

Инна Полонская

Кольцо Афродиты

Инна Полонская

Кольцо Афродиты

«Автор»
2026

Полонская И.

Кольцо Афродиты / И. Полонская — «Автор», 2026

Венера приезжает в Танаис, сбегая от рухнувшего гранта и бывшего научного руководителя, присвоившего её диссертацию. Рядом — друг Костя, журналист, далёкий от археологии, но готовый поддержать её в трудный момент.На раскопе они находят золотое кольцо с портретом женщины, поразительно похожей на её мать. Она надевает его — и мир моргает. Вместо донской степи — горящий античный город, крики, дым и страшный гигант, который почему-то узнаёт кольцо. А на крыше храма стоит ожившая каменная статуя богини, которая смотрит прямо на Венеру. Ей придётся понять, чьё это кольцо, кем была её мать и какую роль сыграл её дед — легендарный профессор-археолог. Но у кольца свои планы: оно не отпускает просто так.«Кольцо Афродиты» — это роман о времени, памяти и цене, которую платят за спасение. О тайнах, которые хранят семьи, и о городе, который так и не смирился с гибелью. Для тех, кто любит исторические загадки, семейные саги и истории о том, что прошлое не всегда остается в прошлом.

© Полонская И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Кольцо Афродиты. 5
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Кольцо Афродиты

Кольцо Афродиты.

Августовский зной над дельтой Дона висел плотной дрожащей пеленой. Венера приехала в Танаис не за вдохновением — она сбегала от рухнувшего гранта и от бывшего научного руководителя, присвоившего её диссертацию о торговых путях Боспорского царства. Независимость была её единственной надёжной бронёй.

Рядом сидел её друг Костя. Костя был далёк от истории и тем более от археологии. Он вообще считал, что всё, что находится в земле, либо плохо пахнет, либо сильно пачкает, либо и то, и другое. Согласился поехать с подругой Костя, чтобы поддержать её в тяжёлый момент. Это была официальная версия. Неофициальная сидела гораздо глубже и, конечно, была куда важнее для него. Костя рассчитывал, что Венера перестанет быть для него просто подругой, а потому искал к ней подходы. Тяжёлый момент для девушки, как ни цинично это прозвучало бы, был удобным шансом для парня. Он честно старался найти общие интересы и потому пытался разделять её увлечения.

Тема торговых путей была близка ему только в момент, когда он шёл на торговый рынок. Хотя и там он особо не торговался. А слово «Боспорский» у него вообще ни с чем не ассоциировалось, и использовал он его только для того, чтобы потренировать артикуляцию. Он был журналист, но настолько далёк от всех этих историко-археологических материй, что иногда возникало ощущение, будто они с Венерой из разных миров. Но он, опять-таки, честно старался.

Перед ними открылось величественное строение. Дом дедушки Венеры, Эдуарда Дмитриевича Гелиодорова — ныне просто пенсионера, а в прошлом легендарного советского профессора-археолога, чьё имя гремело на конференциях — от Ленинграда до Рима. Естественно, грохот его имени донёсся до Кости только из уст Венеры.

— Ты только посмотри, — восхищённо произнесла Венера, будто в первый раз видела этот дом. — Согласись, что этот дом — настоящий вызов окружающей застройке. Не казачья хата, к которым здесь привыкли, хотя и среди них были впечатляющие экземпляры. Но это — настоящий византийский усадебный дом! Его площадь — около полутора сотен квадратных метров. Светлый камень, пологая черепица. Посмотри на крышу! А эти строгие арочные окна. На самом деле то, что он сохранился до наших дней, — настоящая загадка. Дедушка приложил немало усилий, чтобы он не достался местным вандалам. Так он называет местных бизнесменов.

Парень отметил про себя скорее риелторский талант Венеры, чем восхитительный вид дома. В девушке и правда дремал талантливый продавец. Впрочем, дом действительно был хорош.

— Так что, мне посчастливится познакомиться с твоим дедом? — спросил Костя. Не то чтобы эта мысль приводила парня в восторг, но изобразить заинтересованность было необходимо.

— Ну, вообще-то, нет. Он сейчас проходит очередное плановое обследование в Питере, что, как мы с мамой считаем, странно. Его сердце работает как двигатель самосвала, — Костя усмехнулся, отметив несвойственное девушке техническое сравнение, — и вовсе не требует дополнительной стимуляции. Поэтому мы с мамой воспринимаем такие регулярные обследования скорее как блажь, чем как необходимость. Кстати, вот с ней тебе точно, как ты сказал про деда, «посчастливится познакомиться». Усадьбой временно заправляет именно она. — Для Кости такая перспектива скорее вызывала беспокойство, чем ощущение счастья: лучше уж знакомство с дедом.

— Как зовут твою маму? — спросил он.

— Для тебя — Надежда Эдуардовна. Она единственная в нашей семье, кто обладает достаточным запасом ослиного упрямства и жажды подлинности, чтобы выживать в этих условиях. Более того, она считает их комфортными. При малейшей возможности она бросает все дела в Москве и срывается сюда. Для неё раскопки — всё равно что Святой Грааль для паломника. Мама смотрит на это место совсем другим взглядом. Она готова пожертвовать многим, лишь бы каждое утро, как она говорит, «просыпаться под крик степных птиц и видеть мраморные колонны, освещённые восходящим солнцем». Мама — романтик, хотя внешне это совсем не заметно.

Они вошли во двор.

— Обожаю это место, — произнесла Венера, — конечно, не так, как мама, но всё равно обожаю. Чувствуешь? Тут даже пахнет совсем иначе, чем снаружи. Никакой пыли веков.

— Не знаю, как пахнет пыль веков, — ответил Костя, — но тут пахнет мелиссой или мятой. Хотя как пахнут мелисса и мята, я тоже не особо помню.

— Но ты угадал. Посмотри, вон там. Видишь глиняные сосуды? Это они издают такой запах: мама наполняет их настоем мяты и мелиссы.

— А ещё пахнет воском. Твоя мама наполняет сосуды ещё и воском? — Венера закатила глаза и покачала головой: мол, как можно быть таким безнадёжным?

— Нет. Пчелиным воском протирают камень, — она обернулась и влюблённым взглядом осмотрела двор. — Для меня это убежище абсолютного порядка, место, где история приручена, эстетизирована и заперта за идеальным геометрическим внутренним бортиком.

Костя мало что понял из последней фразы, но отметил, что место действительно было уютным. От фонтана исходила прохлада, пахло тут действительно приятно. Неясно ему было одно: как такая атмосфера могла кого-то вдохновить на плодотворную работу. Скорее на плодотворный отдых — но каждому своё.

Встреча с мамой, потенциальной тёщей, как воспринимал её Костя, прошла для него ни холодно ни жарко. Вообще никак. Немногословно и без лишних расспросов. Зря он переживал. Кроме того, он понимал, что на фоне последних событий, связанных с неприятностями Венеры, его персона отошла даже не на второй план, а куда-то в конец. Он не обижался, его всё устраивало.

Надежда Эдуардовна и её отец обладали достаточными ресурсами, чтобы оспорить присвоение диссертации. Правда, процесс обещал быть затяжным и грязным, как и все подобные. Но дело было даже не в этом. Не то чтобы Венера не была бойцом — она умела держать удар. Но циничное предательство человека, которого она считала своим другом и наставником, заметно её подкосило. Косте этот человек сразу не понравился. По его мнению, этот так называемый наставник был скользким, как змея, и высокомерным, как павлин. Но Венера отмахивалась от предостережений Кости, объясняя их ревностью. Что было странным, поскольку он пока ещё не перешёл ту черту, где заканчивается «Привет, Костик» и начинается «Костенька, мой самый любимый и единственный».

Возвращаясь к ситуации с научным руководителем, следует отметить, что об этом было много разговоров и тема, вроде бы, была исчерпана. Сейчас же Венере нужно было просто прийти в себя.

Глядя на Надежду Эдуардовну, Костя отметил, что она была чрезвычайно красива, и эту красоту дочь унаследовала почти полностью, будто под копирку. У обеих были каштановые волосы. У мамы они были уложены в строгую высокую причёску с плавными волнами, а у дочери собраны в высокий конский хвост. Большие карие глаза, тонкие дугообразные брови и прямой аккуратный нос. Губы небольшие, мягко очерченные, с едва заметной спокойной улыбкой.

Венере и Косте были отведены две комнаты в доме. Не одна, как мечтал Костя, а две. Правда, Косте досталась комната, своего рода «люксовый вариант», с большой кроватью и прекрасным видом на море. Венере хотелось, чтобы другу, оказавшемуся рядом, было как можно комфортнее. То, что он был рядом, как ни крути, грело ей душу. Ей было приятно в его компании. Он её часто смешил, иногда даже непреднамеренно, и с ним она действительно забывала о неприятностях и проблемах. Правда, в последнее время она заметила за собой, что думает о нём чаще, чем ей хотелось бы.

Настало утро, и по плану было пойти на раскопки.

— Только не смейте копать, — строго сказала Надежда, появляясь на пороге гостиной со стаканом холодного айрана для Венеры и чашкой кофе для Кости.

— Даю слово! Я копать не буду! Спасибо за кофе, Надежда Эдуардовна! — с готовностью отозвался Костя.

А вот Венеру ограничение мамы явно не обрадовало.

— Мама!

— Не мамкай. Смотри под ноги, дыши историей и возвращайся до часу дня.

— Наконец-то я узнаю, как пахнет пыль веков, — отозвался Костя, а Надежда Эдуардовна удивлённо вскинула бровь.

— И давно ты интересуешься её запахом?

— Вчера вот стало интересно, когда вошёл к вам во двор, — он перевёл взгляд на Венеру в поисках правильных ответов на каверзные вопросы, пропитанные сарказмом. Та слегка улыбнулась.

— Мам, но если я случайно увижу что-нибудь интересное?

— Тогда сфотографируешь, отметишь координаты и позовёшь меня. После обеда будет очень жарко и, как ни странно, безветренно. Ты же с твоей способностью увлечься так, что весь мир будет терпеливо ждать, просто можешь этого не заметить. Короче, ты поняла?

Венера, проворчав, что поняла, зашнуровала обувь. Конечно, она бы с удовольствием сказала, что не поняла, но не стала.

Они прошли вдоль раскопа, обогнули рабочую зону и пошли вглубь. Статус внучки профессора, который тут был не самым последним человеком, давал Венере негласное право бродить там, где туристам ходить запрещено, и с кем посчитает нужным.

— Я смотрю, ты тут неплохо ориентируешься. Вот это, наверное, была улица Тутанхамона, дом 3-а, — с очень серьёзным лицом предположил Костя. Венера усмехнулась. Она порой не могла определить, когда он шутит, а когда нет.

— Сам ты Тутанхамон. О нём тут и не слышали.

— Я — Тутанхамон. Буду считать это «оскорплиментом», — не унимался парень. — Ну тогда расскажи мне немного про Танаис, чтобы я мог блеснуть эрудицией перед твоей мамой и не испытывать стресса и морально-интеллектуального давления при каждой встрече с ней. Ты ведь знаешь историю этого места?

— Историю этого места я знаю лучше, чем расписание автобусов в Питере. Танаис — один из самых северо-восточных городов античного греческого мира, основанный боспорскими греками в III веке до нашей эры. Это был город купцов, ремесленников и наёмных воинов, стоявший на границе античного и степного миров.

— Античный и степной миры? Расшифруй, пожалуйста, а то я теряю нить разговора, ещё не найдя её.

— Костик, ты безнадёжен. Это метафора, которая описывает положение Танаиса не столько на карте, сколько в истории и культуре. Античный мир — это мир греческих полисов и эллинистических царств. Он подразумевает городскую культуру, письменность, полисное самоуправление, театр, философию, развитую торговлю, оседлый образ жизни и прочее, и прочее, и прочее. В Северном Причерноморье его представляли Боспорское царство, Оль-

вия, Херсонес. Степной же мир — это мир кочевников. Мир скифов, сарматов, позже аланов и гуннов. У них был подвижный образ жизни, конное войско, родоплеменная организация, отсутствие городов и письменности.

— Отсутствие письменности? Подожди. Как же они читали сообщения в телефонах?

— Ну… у них были телефоны с функцией звукового воспроизведения текста, — Венера снова закатила глаза и покачала головой. — К слову сказать, письменность у них появилась позже, конечно. То есть у этих народов несколько иная система ценностей, где главное — воинская доблесть, скот, пастбища. Танаис ушёл под землю во втором веке нашей эры из-за пожара, а затем и забвения, — эта последняя фраза далась Венере почему-то тяжело, как будто этого можно было избежать.

— Ты чего?

— Не знаю, но эта мысль почему-то у меня всегда вызывает тоску, словно… А неважно.

— А почему город назвали Танаисом, а не Ростовом-на-Дону, например?

— Хороший вопрос, — Венера усмехнулась. Она почувствовала себя так, словно говорила со школьником. Ей захотелось подурачиться с парнем. — К твоему сведению, город действительно был назван в честь реки Танаис.

— Серьёзно?! А, ну да, точно! Ведь связь названия «Дон» и названия «Танаис» так очевидна. Мне даже стыдно, что я её сразу не рассмотрел.

— Просто река Дон в те времена называлась Танаис. А город назван в честь бога Танаиса. Правда, справедливости ради стоит сказать, что не вся река Дон называлась Танаисом, а только нижнее её течение. Под Танаисом античные авторы понимали нижнее течение современного Дона, а иногда и Северский Донец. Хотя есть и другие версии и легенды о происхождении названия, но они тебе вряд ли понравятся. Да и реки тогда по-другому выглядели.

— Танаис, — задумчиво произнёс Костя. — Никогда не слышал о таком боге.

— Зато ты часто слышал имя его отца. Знаешь, как его звали?

— Я заинтригован.

— Океан.

— Да ладно! В честь этого бога назвали…

— Да, представь себе, — Венера была довольна произведённым эффектом. — Хотя правильнее Океана называть не богом, а титаном. Это… ну как бы предыдущее поколение богов. Ну, если уж очень упростить.

— А кто была его мать?

— Тефида — богиня питающих вод. Супруга и по совместительству сестра Океана.

— Фу! Танаис должен был родиться уродом.

Венера не смогла сдержаться и рассмеялась от души.

— Вообще-то инцест у богов — это вполне нормальное явление. Вероятно, генетика богов чище, чем генетика людей. И они не боялись последствий, — тут она внимательно всмотрелась в землю. — Ой, подожди, что это?

Земля здесь трескалась от сухости. Там, где дожди размыли край старого рва, обнажился слой чистой жёлтой глины. Опытный взгляд археолога увидел что-то едва торчавшее из глины, но что именно — непонятно. Мимо пройти Венера не смогла и, присев, начала рассматривать непонятный предмет. Костя остановился в паре метров от неё, всматриваясь в землю:

— Эй, Венера, а это что?

— Наверняка кольцо из чистого золота, — не без иронии ответила Венера. Ей показалось забавным, что парень так заинтересовался и даже начал высматривать предметы в земле. — Ой, тут золотые кольца попадаются на каждом шагу, Костик, так что не удивляйся.

— Правда? Тогда можно, я именно это подарю тебе как обручальное?

— Конечно! Подожди… Что?! — Его вопрос прозвучал настолько неожиданно, что она не сразу уловила его смысл. А когда уловила, всё равно не поняла: то ли он шутил, то ли делал

ей предложение, то ли нашёл золотое кольцо, то ли всё вместе, то ли ничего из перечисленного. Это заставило её переключить внимание, а в следующий момент она полностью забыла, чем только что занималась. Даже слово «обручальное» растворилось, будто в тумане.

То, что блеснуло прямо у носка походного ботинка Кости, было не черепком и не куском ржавого гвоздя. Это действительно было кольцо. Оно частично показалось из земли рядом с корнем высохшей лебеды. Идеальное, невозможное, выпавшее из кармана древнего незнакомца прямо в двадцать первый век. Массивное, широкое, из золота, которое, естественно, не тронула степная сырость.

— Воистину говорят, что новичкам везёт, — ошарашенно проговорила Венера.

На щитке перстня вместо камня был вырезан образ женщины.

Они присели на корточки. Где-то эхом в голове звучали назидания мамы: «сфотографировать находку», «отметить координаты». Вопреки этому её пальцы уже сами тянулись к артефакту. Как историк-теоретик она знала цену стерильности. Как практик с упрямым характером она иногда игнорировала формальности и не слушала маму.

Но прежде чем коснуться металла, она всмотрелась в лицо незнакомки. Работа была настолько тонкой, что Венера, как профессиональный историк, невольно замерла: античный мастер работал тончайшим резцом, передав каждую особенность, каждую черту лица. Прямой нос, слегка приоткрытый рот, полные губы. Волнистые локоны, уложенные в причёску плавными волнами. Выражение её лица спокойное, задумчивое и немного отстранённое. Взгляд направлен прямо на смотрящего, но в нём нет ни вызова, ни явной приветливости. Скорее сдержанное внимание. Длинная шея и открытые плечи придают образу сходство с античным бюстом, а ещё с… Нет! Этого не может быть! И твёрдая профессиональная отстранённость девушки дала трещину.

— Слушай, — сказал Костя, — я понял, что кольца не валяются тут на каждом шагу. Шутка достойна высшей похвалы. Но, может, это твоя мама потеряла кольцо? Посмотри, портрет прямо как на заказ, — уши у Венеры заложило от внезапного узнавания. На кольце действительно был изображён портрет её мамы.

— На тебя тоже, кстати, похоже, — ничуть не смутившись, продолжил парень, — только этой девушке на кольце для полного сходства хвост нужно заплести.

Кольцо выглядело слишком современным для нижнего слоя раскопа. В любом случае оставлять золото в глине под ногами — преступление против здравого смысла.

Она достала кольцо из земли. Металл оказался странно тёплым. Он совсем не походил на холодный погребальный инвентарь. Венера надела кольцо — это было машинально, почти бессознательно. Золото легло на средний палец правой руки так легко, будто было сделано точно по мерке: обычно такие массивные перстни сидят неуклюже, а этот охватил палец мягко, но цепко, без малейшего зазора, словно возвращаясь домой после долгой отлучки. Костя слегка опешил — не от наглости, а от безрассудства такого поступка. Венера не была падка на побрякушки, а тут — надела не задумываясь.

— Ладно, — пожав плечами, произнёс он и пошёл ва-банк. — Я так понимаю, ты принимаешь моё предложение. Что ж, дарю тебе свою первую и, скорее всего, последнюю находку, а в качестве бесплатного приза — руку и сердце. Потом наденешь на безымянный. Но дай хотя бы рассмотреть, как колечко-то на тебе смотрится.

Он взял её за руку, и они стали внимательно рассматривать находку. По металлу пробежала едва заметная золотистая искра, похожая на разряд электричества, и тут же погасла. Венера списала это на игру света, разность потенциалов между сухой кожей и металлом — если такое вообще может быть, — или что-то ещё. Она уже собиралась позвать мать. Вдруг мир вокруг них моргнул.

Звук исчез.

Сначала пропал треск цикад, затем шелест листьев. Полуденное солнце мгновенно скрылось за тяжёлыми иссиня-чёрными тучами, которых не было на горизонте секунду назад. Удушающая жара не исчезла, но добавился сильный горячий ветер, несущий запах гари, гниющих водорослей и рыбы.

— Эй! Венера, ты что?! — послышался возмущённый крик Кости, как будто издалека.

Вместо сухой травы под ногами оказалась липкая грязь, смешанная с соломенной трухой. Вместо тишины раскопок на них обрушился гул. Сюда примешивался рёв пламени, многоголосый человеческий крик на непонятном лающем языке, скрип дерева, треск ломающихся балок — и вдобавок сильный ветер. Венера смотрела на всё это с округлившимися глазами. Она одна? Где Костя? Слава богу, он рядом.

— Что это за место? — кричала она, чтобы он её услышал сквозь ветер.

— Ты меня спрашиваешь? То есть ты тоже не знаешь? Это плохо! — он огляделся. — Похоже, это улица Тутанхамона, дом 3-а.

— Это невозможно!

— Да ты говорила, что тут никто не слышал о Тутанхамоне.

— Нет, Костя! Потому что невозможно попасть из двадцать первого века сюда, в древнее время.

Прямо перед ними, метрах в десяти, горел какой-то деревянный портовый склад. Огонь жадно пожирал просмоленные доски, сыпля в небо фонтанами оранжевых искр. Люди в длинных подпоясанных рубахах и кожаных панцирях метались между горящими амбарами. Один из них, бородатый гигант с топором, обернулся. Его лицо было покрыто жирной копотью, глаза расширены, как у безумного.

— Что? — произнесла Венера, вглядевшись ему в лицо. — Ты? Как ты здесь? Что происходит?

Человек посмотрел сначала на Костю. Лёгкое недоумение мелькнуло в его глазах, но интереса парень у него не вызвал. Затем гигант перевёл взгляд на Венеру. Он пристально посмотрел ей в лицо, затем на кольцо на её пальце. Тут гигант что-то закричал, указывая на неё свободной рукой, и бросился к ним, расталкивая людей, словно кегли. Костя встал перед ней, загораживая её собой. Едва ли это могло надолго остановить вооружённого гиганта. Но попытка не пытка. Уже одно то, что он был рядом, не давало Венере сойти с ума от происходящего. И тут девушке пришла единственно трезвая мысль, учитывая все обстоятельства.

— Костя, бежим!

Они рванули в противоположную сторону и помчались вдоль улицы, сталкиваясь с орущими людьми.

— Да что вам дома не сидится? — возмущался на бегу Костя.

— Костя, у них дома горят! Ты что, не видишь?

— Ну и что? Внутри горящих домов всё равно безопаснее, чем здесь!

Они бежали по улице города, которую Венера узнала — может, потому, что сотни раз видела на её старых планах. Она обернулась. За спиной преследовавшего их гиганта падала западная башня агоры. Камни летели медленно, как во сне, поднимая клубы белой известковой пыли. Гигант бежал за ними, но заметно отставал — судя по всему, у него была ранена нога.

— Чего он так возбудился? — недоумевал Костя.

— Я не знаю! — Они свернули и скрылись за углом небольшого дома в узком тупиковом переулке. Если их обнаружат, бежать некуда.

— Нам нужно туда, — Венера указала в сторону холма.

А высоко на холме, над охваченным пламенем городом, стоял храм. На его крыше располагалась каменная фигура. Женщина — точная копия той, что была вырезана на кольце. Ветер трепал края её одежд. Но самое страшное было не то, что ветер каким-то образом тре-

пал каменную одежду. Статуя смотрела прямо на Венеру. И губы каменной богини дрогнули, словно она пыталась что-то сказать.

— Может, не надо туда бежать? Я не уверен, что здание с шевелящейся каменной статуей на крыше — это самый безопасный вариант.

— Я не могу объяснить, но мне кажется, что там безопасно.

— А что это за мадам вообще?

— Похоже на богиню Афродиту.

— А, ну эту богиню я помню. А почему она в одежде?

— Афродиту не всегда изображали обнажённой. Я не удивлена, что ты её запомнил. Жалеешь, да?

— О чём?

— О том, что она в одежде.

— Нет, что ты… просто она немного на тебя похожа. Ой, извини. Я совсем не то имел в виду.

— Костя, я, конечно, польщена, но сейчас вообще не время. Бежим!

Они выскочили из переулка, и внезапно их окружила толпа вооружённых мечами людей.

— Тихо, ребятки, мы хорошие, — Костя, подняв одну руку, другой задвинул Венеру себе за спину, загородив её собой. — А вы немного странные. Это плохо, когда странные ребята убивают хороших людей. Не по-христиански это.

С той стороны к ним приближался тот самый гигант. Он уже не спешил, но продолжал истошно орать, указывая пальцем на руку Венеры.

— Венера, по-моему, этого гопника интересует кольцо. Может, стоит отдать?

Венера судорожно вдохнула, горло сдавило спазмом. Она дёрнула руку, пытаясь сорвать кольцо, но золото впилось в кожу мёртвой хваткой.

Мир снова моргнул.

Удушливый запах гари исчез, и в лицо хлестнула вода. Венера дёрнулась, захлебнувшись воздухом, и резко села на траву.

— Живая! — выдохнул чей-то голос с облегчением. — Надежда Эдуардовна, она глаза открыла!

Над ней склонились три бледных лица. Двое студентов-практикантов из маминой группы — лопоухий Миша и серьёзная девочка Аня со второго курса — смотрели на неё с явным беспокойством. Рядом, тяжело дыша и сжимая в руках ивовый веер, стояла сама Надежда Эдуардовна. Лицо Венеры было мокрым. Видимо, туда пришёлся основной залп живительной воды.

— Ну? — строго спросила она Венеру. — Сколько пальцев?

Венера машинально посмотрела на руку. Пальцев было восемь: мама зачем-то показала кукиш, и у Венеры двоилось в глазах — она видела два кукиша. Когда зрение сфокусировалось, она перевела взгляд на лицо Надежды Эдуардовны. И вздрогнула. То самое лицо. Лицо женщины с кольца, с крыши. Только сейчас оно не было высечено из мрамора — оно покрывалось испариной вполне человеческого страха.

— Где Костя? — прохрипела Венера и закашлялась. Язык казался наждачной бумагой. — Мам, я... там был пожар. Башня агоры рухнула. Там всё горит. Храм с твоей статуей и безумный дедушка… или не дедушка. Нет, он был молодым. Где Костя?

Студенты переглянулись. Аня тихо ойкнула и сделала шаг назад. Надежда опустилась перед ней на колени.

— Сильно ты приложилась головой, — она бесцеремонно схватила правую руку дочери и поднесла к глазам. Кольцо тускло блеснуло в солнечном свете. — Где ты это взяла?

— Костя нашёл в земле.

— Везёт же новичкам.

— Да я тоже так сказала, но потом началось это безумие.

— Ты лежала во рву белая, как мел. Ребята тебя через весь раскоп тащили. Солнцепёк это, Венерочка. А я предупреждала. Классический солнечный удар. А потом обычный удар головой об землю. Твой дед рассказывал, как он так же однажды «римлян» гонял по балке после трёх суток без сна.

— Я не падала, — Венера попыталась вырвать руку, но пальцы матери держали крепко, как клещи. — Костя нашёл кольцо в земле, а я просто надела его. Оно тёплое было. А потом... Мам, там были люди. Они кричали от ужаса и отчаяния. Всё было по-настоящему. А Костя, если бы не он... Он сказал снять кольцо. Я попыталась и вернулась. Он был всё время рядом. Где же он?

Надежда Эдуардовна наконец отпустила ладонь дочери и медленно выпрямилась. Веер в её руке замер. Студенты попятились ещё дальше, понимая, что становятся свидетелями чего-то личного.

— Куда Костя запропастился, я понятия не имею, — ровным голосом произнесла Надежда. — Ладно, неважно. Так, давай снимай кольцо. Тебе не к лицу гламур.

— Но я не могу, я пыталась. Оно не снимается. Прикипело, — Венера инстинктивно сжала кулак. Золотой ободок словно врос в кожу за те несколько секунд забытья. Попытка стянуть его причиняла тупую, тянущую боль. — Мама, нужно найти Костю, он должен быть где-то рядом.

Надежда молча взяла её за запястье и повернула кисть к свету. Она смотрела не на золото. Она смотрела на красную воспалённую полосу вокруг пальца, повторяющую внутренний контур кольца.

— Странно… — В сознании Надежды Эдуардовны что-то щёлкнуло. Она вспомнила выцветшую фотографию 1991 года из семейного архива: студенты-практиканты смеются на раскалённых камнях Танаиса, глядя в объектив «Полароида». На среднем пальце правой руки двадцатилетней Нади — кольцо.

Правда была в том, что никакого кольца Надя не носила. На неё даже тогда «наехали»: мол, откуда кольцо, куда делось? Пришлось привлекать свидетелей, подтверждающих, что Надя не носила никаких колец. Тогда всё списали на случайную тень. На что-то же надо было списать. Однако несуществующее кольцо начало сниться ей в страшных снах. Очень чётко, с самыми мелкими деталями и формой. Она это списала на пережитый стресс, связанный с несправедливым обвинением и дурацкими допросами. А также на то, что слишком много о нём думала. Сны со временем прошли, но сейчас, спустя годы, она увидела его наяву — и узнала изображённое на нём лицо. То самое лицо, которое часто являлось ей во сне в виде тени самой себя, холодного давления на кожу и фантомной боли в суставе. Она не показывала вида, но была ошарашена и растеряна.

— Лицо, мама, — вдруг тихо произнесла Венера, кивнув на кольцо. Голос сел до хриплого шёпота. — Оно… оно родное, мам. Как фотография из альбома, которую кто-то потерял.

Надежда Эдуардовна медленно отпустила руку и обернулась к студентам:

— Михаил, Анна. Я отведу её в дом сама. Никому ни слова. Если директор спросит — скажете, что Венере плохо от перегрева. Бегом. И найдите Костю в конце концов. Я не думаю, что это будет сложно. В степи вообще трудно заблудиться, хотя мало ли. Может, у мальчика обнаружится скрытый талант.

Когда студенты скрылись, Надежда Эдуардовна помогла дочке подняться на ноги.

— Идем. Тебе нужно лечь. Голова кружится?

Дочь кивнула. Надежда подумала, что головокружение было наименьшей из её проблем. Ноги у дочери даже со стороны казались ватными — классический симптом тяжёлого теплового удара, когда организм сбрасывает периферийное кровообращение, чтобы спасти мозг. Однако она начала подозревать, что тепловой удар — это не единственная причина или вообще не причина такого состояния Венеры.

Не так уж и смертельно жарко было на улице. Они медленно двинулись через раскоп, обогнули навесы. Венера машинально переставляла ноги. Надежда заметила: взгляд дочери искал Костю. Кольцо на пальце тоже, судя по всему, не давало о себе забывать. Свет странно бликовал на нём, и создавалось впечатление, что оно, словно живое, пульсировало на пальце, обращая на себя внимание. Дочь то и дело поднимала руку, чтобы посмотреть на него, но не как на украшение, а как на рану, которая беспокоила.

Они вошли во внутренний двор особняка. Она довела дочь до мраморной скамьи у фонтана и присела рядом с ней. Прохлада камня немного привела девушку в чувство. Надежда подняла голову и внимательно, словно впервые, посмотрела на статуи, которые стояли вдоль колоннады.

Их было всего три. Это были те, кого Марк — её брат-скульптор — изваял по одному ему ведомому порыву души, плод его бурной фантазии. С одной стороны, он был одержим античными формами. С другой стороны, делал всё по-своему. Статуи стояли вдоль двора: суровая богиня Гера сжимала почему-то снятую диадему, Деметра нежно прижимала к груди колосья, а чуть поодаль, залитая солнцем, смеялась Афродита, поправляя волосы.

Для Надежды Эдуардовны это были просто красивые, дорогие сердцу статуи работы её талантливого старшего брата. Она не задавалась вопросом, почему он выбрал именно эти воплощения, формы и позы; для неё это был лишь художественный каприз скульптора.

— Мам… — голос Венеры прозвучал хрипло, чужеродно. Она тоже смотрела на статуи. — В них нет ничего божественного. То есть я имею в виду: это не изображения богинь. Кого он изобразил?

Надежда почувствовала напряжение. Не только дочь, но и она только сейчас заметила, что со статуями что-то не так. Для Надежды они всегда были просто искусством. Великолепным, дорогим, анатомически безупречным, но всё же безжизненным. Сейчас же она видела их иначе. Впервые она видела их не как мрамор. Каждая фигура обрела плоть, голос и намерение. Теперь это были уже не идеализированные античные образы ради красоты. Нет, это были конкретные одушевлённые сущности. Она видела живых девушек в горящем Танаисе. Совсем молоденьких, почти девочек. Вот Гера вся в слезах, сняв диадему, собирается покинуть это место навсегда, потеряв всё, что имела. Вот совсем юная Деметра замирает, раненая стрелой, прижимая к груди любимую куклу вместо бронзовых колосьев; вот Афродита пытается сбить пламя со своих волос голыми руками.

Надежда на руках почувствовала адскую боль ожогов и леденящий ужас Афродиты перед встречей с Хароном, который проведёт её вниз; с Танатосом, который встанет у выхода, отрезав ей путь назад, и будет следить, чтобы она так и осталась в царстве мёртвых; и с судьями, которые определят, куда ей дальше двигаться. В блаженный Элизиум? Нет, такого она точно не заслужила. Поля Асфоделей? Вечное бессмысленное томление без памяти о прошлом, без цели на будущее. Но даже этого она не достойна. Она ослушалась своего отца. Поля наказаний и вечные муки. Вот каков будет вердикт высших судей.

— «А как же Христос? Он же будет нас судить», — вдруг возникла внутри туманная мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.